

- искать методологические решения для этого преодоления.

Во всех своих произведениях П. Бурдьё не упускает возможности указать на последствия полевого теоретического образа мыслей: «Мышление в понятиях поля требует изменения всех привычных точек зрения о социальном мире» [2. С. 71].

Концепт социального поля является единственной гарантией (по меньшей мере с методологической точки зрения) уклониться от указанных субстанционалистских направлений или, если сказать словами К. Левина, гарантией разработки условно-генетической понятийности, которая остается строго в контексте конкретного и актуального в топологическом дискурсе социальной философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Levin K. Feldtheorie in den Sozialwissenschaften. Ausgewählte theoretische Schriften (hrsg. Von Dorwin Cartwright). – Bern und Stuttgart: Verlag Hans Huber, 1963. – 395 S.
- Bourdieu P. Sozialer Raum und Klassen. – Frankfurt am Main: Leçon sur la leçon, Suhrkamp, 1985. – 82 S.
- Bourdieu P. Zur Soziologie der symbolischen Formen. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974. – 204 S.

Выводы

Обновленное введение в социально-философский дискурс понятий пространства, поля, пространственного воображения, топологии дает возможность рассматривать пространственное, социальное и историческое как одинаковые равноценные перспективы.

Изменения, происходящие в современных социальных системах, сообществах, могут быть достаточно полно представлены топологическими характеристиками, и их топологический анализ располагает широким проблемно-постановочным и методическим спектром.

Пространственные концепты и теории социальных полей К. Левина и П. Бурдьё показывают, что изучение общества, сообществ возможно только посредством социальной топологии.

- Bourdieu P. Sozialer Sinn. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. – 186 S.
- Bourdieu P. Die feinen Unterschiede. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. – 391 S.

Поступила 22.02.2012 г.

УДК 114

«ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ» И ВОЗМОЖНОСТЬ НОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.И. Макогон

Томский государственный университет
E-mail: makogon@admin.tomsk.ru

Проведен исторический анализ философских изысканий, рассматривающих пространственное, социальное, историческое как одинаковые и равноценные перспективы существования. Показано, что пространство выступает на первое место в обозначаемых горизонтах исследования местных сообществ, социальных систем, мест, где происходят коммуникации человека и общества.

Ключевые слова:

«Пространственный поворот», дуализм, социальность пространства, «триалектика пространственности», пространственный капитал, топология, пространственная причинность, полевое пространство, индивидуальное жизненное пространство, среда.

Key words:

«Spatial turn», dualism, sociality of space, «trialektik of space», spatial capital, topology, spatial causality, field space, individual vital space, environment.

Исследователи социальной философии становятся сегодня свидетелями так называемого «пространственного поворота» (*spatial turn*). Любое теоретическое или эмпирическое исследование человека или общества, так или иначе упирается в вопросы пространства, поля, пространственного воображения, топологию места, топологическую составляющую сообществ.

Наша персональная мотивация исследования роли пространственных проблем в процессах об-

щественного развития и значения пространственных составляющих в анализе социальных систем, таких как местные сообщества, появилась не только из теоретического интереса, но, главным образом, из-за большого количества вопросов, которые возникают при практических и эмпирических исследованиях этих локальных социальных систем. В рамках исследования местных сообществ постоянно дискутируются вопросы о социально-пространственных феноменах и о связанных с про-

странством понятиях, таких как «пространственные жизненные миры», «локальная идентичность», «пространственный жизненный уровень», «местный инновационный уровень», «социально-пространственные диспаритеты», не четко указывая, что собственно понимается под «пространством», «пространственным», «локальным», «местным», «региональным». Поэтому исследование пространственных проблем становится осмысленным и необходимым и, с нашей точки зрения, теория исследования местных сообществ невозможна без научно-теоретического проникновения в проблемы пространства.

Исследуя вопросы социальной философии, мы чаще видим рассмотрение окружающего мира в основном через исторические, а не через пространственно-ориентированные принципы. «Пространственный поворот» стал осуществляется большей частью на трансдисциплинарной почве. «В рамках нового научного мышления, представленного постклассической парадигмой, различные науки оказывают значительное влияние друг на друга, происходит их взаимное проникновение. При этом происходит не просто стирание границ между науками, а активное использование концепций, подходов, теорий, терминов одной науки в рамках других» [1. С. 115].

Сегодня философские, социальные и коммуникативные науки открывают пространственно-ориентированные исследования, современные деятели культуры и искусства дискутируют о городских и локальных местных пространствах, даже теология видит в пространственном мышлении возможность расширить свои собственные представления об окружающем мире.

Особенно усиленно интересуются вопросами пространства экономические науки, управленческие науки и, конечно же, философия, антропология, социальная философия. «Пространственный поворот» представляет глубокий интерес для социальной философии, в части возникновения новых социальных пространственно-обозначенных и временных культур. Их возникновение неразрывно связано с научно-техническими революциями, с индустриализацией, явлениями модерна. Произошло основательное изменение мирового отношения в освоении научного знания, которое имело в западной традиции практически только ориентировку на время, а не на пространство и, как следствие, стали происходить онтологические искажения самого знания, главным образом из-за исчезновения пространственных измерений нашего мировосприятия. Однако даже естественно-научные исследования показывали, что физический мир, а также и социальный мир, наше бытие «*Das-ein*» или бытие в мире «*in der Welt sein*» показывают три фундаментальных, онтологических и экзистенциальных составляющих.

Наше бытие и бытие в мире всегда социально-и, одновременно, пространственно- и временно-ориентированы или географически и исторически

опосредованы, если мы связываем это с конкретными понятиями. Ещё Г.В.Ф. Гегель в 1850 г. признает и обозначает существенно равный вес между временем и пространством, между историей и географией. Но подчеркивает, что «всегда случается нечто, что имеет последствием явную привилегию историзма» [2. С. 46]. В это же время начинают связывать историю и время с представлениями о процессе, прогрессе, развитии, изменении, с динамикой, диалектикой, с движением. А пространство, в противовес этому, рассматривалось как что-то мертвое, фиксированное, как задний план, контейнер, сцена, физическая форма, окружение, экстра-социальное, формообразующее, всегда невидимое, несуществующее, всегда присутствующее, но не имеющее активной социальной величины. Например, К. Маркс называл пространство ненужным усложнением его теории [3. С. 144]. Однако знакомые всем нам марксовские тесты, представленные в историческом материализме, все же содержали интересные пространственные аспекты (например, выделение противоречий между городом и деревней в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса) [4. С. 134].

Марксизм не задавался целью сформировать пространственную теорию. И изучали мы исторический материализм, а не исторический пространственный материализм. Более того, научный марксизм внес свою «большую лепту» в процесс игнорирования пространства как философской и социальной категории. К. Маркс вообще не хотел выделять формы пространственного детерминизма в истории, в классовых отношениях и в классовой борьбе. Он боролся против локализмов, национализмов, регионализмов и вытеснял пространственные моменты, которые могли играть роль в образовании классов и отрывать их от динамики классового самосознания.

Получившие в то время большое развитие экономические и социальные науки, политология, социология, этнология пытались объяснять свой предмет исследования без активных пространственных измерений. Это хорошо можно проиллюстрировать на примере неоклассической экономики. Пространство было пассивным контекстом, условием заднего плана или как у Э. Дюркгейма — просто зеркалом [5]. Таким образом, пространственно-ориентированное мышление относилось к чему-то побочному. Социальные науки исследовали социальные процессы, но само слово процесс подразумевалось только во временном измерении. Представление пространственных процессов было исключено из человеческого сознания. Нигде четко не прописывалось, что может быть собственно пространственным процессом между человеком и сообществом. И есть ли возможность выявить и описать этот пространственный процесс при коммуникативном общении человека и сообщества. Пространство было исключено из большого философского контекста. Неоклассическая экономия рассматривала экономику, хозяйство как полно-

стью оторванные от места, как будто они существуют в особой зоне, не имеющей пространственных измерений. Что-то подобное происходило и в мейнстриме других дисциплин. Это явление, исключаящее пространство и придающее привилегированный статус истории, называет Эдвард Зоя (профессор Калифорнийского университета, США) понятием историзма, при котором в первую очередь провозглашается: все есть исторично [6. Р. 246]. Однако точно такие же онтологические высказывания мы можем сделать и о пространстве: все есть пространственно.

И. Кант рассматривал эквивалентность между пространственным и временным мышлением и, даже когда неокантианцы отказались от его утверждения, что пространство и время равноценны. Возможно, он как географ более тяготел к категории пространства, но что достоверно, он не отдавал предпочтения какому-то одному из этих измерений [7. С. 14].

После «пространственного поворота» снова начинают предприниматься попытки непредвзято размышлять о пространстве и времени. И когда пространство и время стали рассматриваться как равнозначные понятия, мы можем стратегически отдать предпочтения именно пространственным измерениям.

Поскольку последние столетия были отмечены онтологическими отклонениями в определении пространства, то это не могло не выразиться и в эпистемологических исследованиях. Отклонения в теории выразилось в эмпирических искажениях при применении таких теорий, а затем при внедрении этих исследований в политическую и социальную практику. Исключение пространства из философского контекста имело влияние на все виды научного познания этих лет. Все накопленные знания по исследованию социальных систем ощущают дефицит пространственных измерений.

Одно из немногих пространственно-ориентированных исследований провел Георг Зиммель. В его тексте «Пространство и пространственный порядок общества» (1908) Г. Зиммель ставит вопрос «о значениях, которыми обладают пространственные условия развития общества в сравнении к его другим определениям и развитиям» [8. S. 614–708]. Такую постановку проблемы исследует Г. Зиммель в своей «Социологии пространства». В его поле зрения попадают также действия так называемых «пространственных качеств»: исключительность пространства, пространственные границы, близость и дистанция, фиксированность и соседство. Для него эти понятия – «продолжения пространственных конфигураций в устройстве человечества» [8. S. 670]. Они не формальные конституциональные условия, а условия образования жизни общества. Вместе с «пространственными «качествами» Г. Зиммель исследует так называемые «пространственные образования», как исторические формы общества в пространстве, которые через проекцию социальных процессов возникают на

земле, на этом пространстве, в городе, дома. Своим концептом «пространственных образований» Г. Зиммель исходит не из действительности особых пространственных конфигураций, а, наоборот, из воздействия, «которые пространственные определенности одной группы познают через воздействие социологические образы и энергии другой» [8. S. 691]. Пространство остается при этом «само в себе бездейственной формой», оно только как сосуд для общественных и душевных содержаний [8. S. 615].

В эти же времена и многие другие ученые формулировали важные и интересные представления о пространстве. Исследования Фридриха Ратцеля, Халфорда Джона Макиндера, высказывания Вальтера Беньямина свидетельствуют об особом, более широком понимании пространства. В. Беньямин, например, формулирует убедительную критику по поводу того, как категория «время» ограничивает наше пространственное мышление [9].

Наиболее значимыми исследователями социального мира с точки зрения пространства называют ученых так называемой Чикагской школы (*Chicago School of Urban Ecology*). Но они причисляли свою работу не к социальной философии или социологии, а большей частью к городской экологии. Понятие «экология» чикагцы переняли от немецких историков и натуралистов и применили функционально к исследованию города, как месту обитания. Они постулировали возникающую пространственную причинность в городе, сильно влияющую на индивидуальное и общественное развитие. Однако это заявление более века не было разработано для применения на практике и не принималось во внимание. Научная и исследовательская среда того времени была убеждена, что общественные процессы формируют пространственность, обратное же не возможно. То, что пространственность влияет на общественные процессы, никто из исследователей тогда не акцентировал.

В конце 1960 г. начинается действительная история «пространственного поворота». Ещё два исследователя в этом направлении Яна Якобс и Давид Харвей. Они занимались, также как и ученые Чикагской школы, пространственной казуальностью и продумывали значение городского и местного пространства для развития социума. Сюда относятся ранние произведения Д. Харви [10]. По нашему мнению, их исследования по онтологической постановке пространственности на одно из первых мест мешала в полной мере осуществиться марксистская ортодоксия. Здесь имеется ввиду труд Я. Якобс 1969 г. «*The Economy of cities*» [11], который имеет мало общего с её первой книгой «*The Death and Life of Great American Cities*» [12]. В первой книге Я. Якобс пишет слегка романтизированно о «плотной заповедности пространства и его влиятельности на местах. А уже в 1969 г. в «*The Economy of cities*» она формулирует более весомые аргументы о влиянии пространства, пространственные импульсы она называет искрами,

исходящими от городской хозяйственной и общественной жизни, способными эту самую жизнь разжечь.

Сегодня нельзя не упомянуть двух ученых, которые предложили абсолютно новое понимание пространства: Анри Лефевр и Мишель Фуко. Эти два ученых абсолютно независимо друг от друга стали формулировать одинаковые аргументы. Они первыми стали ставить вопросы влияния пространства города, местного сообщества на социальные отношения. На майском кризисе в европейских городах в 1968 г. они убедились, что исследований городов и местных сообществ, с учетом пространственной составляющей, практически нет. Модели М. Фуко и А. Лефевра свидетельствовали, что возможность передвижения социальных структур в определенном направлении, определении мест, районов, которые имеют воздействия на социальную среду, возможно только при достижении равновесия между временными и пространственными концепциями. Именно их идеи позволили предположить, что город (как место определенного сообщества) получает огромную способность к воздействию на локальную, социальную среду. Оба придерживались мнения, что пространственное мышление также важно, как и историческое, однако они не подчеркивали это особенно часто. Но это совершенно четко можно найти и у А. Лефевра, и у М. Фуко, когда они высказываются по поводу своего метода исследования. А. Лефевр почти всегда, без исключения, излагает открыто свой ход мыслей, в отличие от М. Фуко. Но, в принципе, оба говорят, что восприятие пространства дуалистичны, бинарны и строятся на двух полусферах мышления. Господствующий пространственный модус воспринимает пространство как материальную форму, предметы в пространстве, изображенные на карте пространства. А. Лефевр называл их «пространственная практика» или «постигаемые пространства, чувственно воспринимаемые пространства». Он делал важные высказывания по поводу пространственного мышления. Он концентрировался на материальных формах, описывал их в отношении или в связи с тем, что находится на поверхности, что измеряемо и воспринимается, что в последствии было названо Э. Зоя понятием «*Firstspace*» [13. P. 74–78].

К воззрению на пространство как к «*Firstspace*»-пониманию присоединяется понимание «*Secondspace*», которое часто воспринимается как противоположное значение, а иногда, как дополнение к «*Firstspace*». К «*Secondspace*» относятся пространственные понятия, пространственное мышление, ментальные карты, эпистемология философской методики. И большинство этих восприятий пространства связаны как раз с тем, насколько полно имеется информация о физических пространствах, картированных пространствах, так называемого «*Firstspace*».

Если «*Firstspace*»-понимание можно обозначить в смысле объективного пространства, то «*Second-*

space» имеет дело с ментальным пространством, с мыслями о пространстве. А. Лефевр называет его «*conceived space*» (представляемый мир) [14. S. 330]. Однако А. Лефевр и М. Фуко говорили о том, что есть иной вид пространственного мышления, который комбинирует оба эти подхода. Эта комбинаторика соединяет оба направления: что-то от объективного с чем-то от субъективно-ментального пространства. Оба ученых не признавали исследования, которые концентрируются только на опознаваемом объективном пространстве, исследования, опирающиеся на математические описания «*Firstspace*», без корреляции описания пространства с социальными и общественными условиями. И у А. Лефевра, и у М. Фуко речь идет не об альтернативе или/или, речь идет о модусе мышления, который комбинирует оба варианта, расширяет пространственное мышление, пока оно не достигнет того же уровня важности, как историческое. А. Лефевр и М. Фуко были убеждены, что исследования должны поднять пространственное мышление на уровень мышления исторического. Это означает, что все то, что берется во внимание с точки зрения истории, действует и в отношении пространства. Однако «дух пространства» тогда ещё далеко не вошел в вокабуляр исследований, в отличие от выражения «дух времени». И это одно из ключевых моментов философской традиции XX в. Например, хайдеггеровские понятия «*Sein und Zeit*» (бытие и время) достаточно известны, но мало кто знает, что в своих поздних произведениях М. Хайдеггер тоже задавался вопросом, относится ли пространство к его концепции, могут ли быть пространственные последствия жизни такими же важными, как следствия времени. Он некоторое время в этом сомневался. Время и бытие осталось для его исследовательской онтологии самыми отличительными чертами [15].

Основной исходный пункт, новая парадигма в работах М. Фуко и А. Лефевра звучит так: пространство, которое мы имеем ввиду, в связи с «пространственным поворотом», общественно- или социально-производимое пространство. Слово «опространствование» используется иногда для того, чтобы подчеркнуть, что если мы говорим о пространственном мышлении, то мы имеем ввиду не только физическое пространство, но и пространство социальное и пространство природы. Мы понимаем общественно- или социально-созданное пространство в смысле динамического процесса. Социально-созданное пространство это не просто нечто, что автоматически нами производится, это активный и политически определяемый процесс, который направлен в центр нашего понимания пространства. Становится понятным название известной книги А. Лефевра «Производство пространства».

Физики и философы, занимающиеся физическими пространствами (А. Эйнштейн, И. Ньютон, Г.В. Лейбниц), практически не говорили о социальной продуктивности пространства. Когда

А. Лефевр говорил о продуктивности пространства, он часто слово «социальное» заключал в скобки [14. S. 330–340]. Но именно А. Лефевр выделял и ставил на первое место социальное. Он отмечал, что есть пространственные элементы, которые влияют на социальные отношения и классы. Однако это оставалось только во французском философском дискурсе и почти не принималось в немецкой или англо-саксонской традиции. Ни либеральные, ни радикальные социальные исследователи на Западе тогда не акцептировали постулаты А. Лефевра и М. Фуко. Даже их ученики, М. Кастельс и Д. Харви считали, что они далеко зашли со своими аргументами. А Д. Харви даже называл это в своей книге «Социальная юстиция и город» — ересь [16. P. 37]. Собственно эти аргументы ограничивали развитие «пространственного поворота» почти 25 лет.

Еще одним аргументом А. Лефевра, который часто вызывает определенные сомнения, является утверждение, что развитие всех человеческих обществ осуществляется всегда только в форме городских (местных) сообществ. Изначально, еще с переходом из первобытно-общинного строя, люди стали членами определенных сообществ и проектировали свои сообщества населенными, городскими, локальными (*urban*). Все формы общественного развития, переходы к культурному земледелию, к политическим революциям, к возвышению государств, до индустриальной революции — все это исходило из сообществ урбанистического характера. Вообще в сообществах нет непространственных общественных отношений. Мы можем абстрагироваться от этого и говорить об этих абстракциях, но если мы хотим заниматься реальным социумом, где живут люди, и его репрезентациями, мы должны рассматривать его с новой, пространственной точки зрения.

У А. Лефевра в связи с этим утверждением появилось описание третьей формы пространства — «обжитое пространство». Он подразумевал, что «обжитое пространство» формируется на той же почве, уровне, как «обжитое время».

М. Фуко употреблял другие понятия: гетеротопология и гетеротопия [17. S. 34–46]. Обжитое пространство и гетеротопия М. Фуко показывают альтернативное пространственное мышление, образ конструируемого пространственного восприятия, который долгое время был в забвении. Вероятно поэтому, мы видим у него много неточностей, несоответствий. Бывает у него речь идет о материальных формах, о реальном и представляемом, бывает о картированных формах и их репрезентациях, и при этом остается много необъяснимых вещей.

Г. Лефевр замечает, если мы принимаем, что пространство общественно создается, тогда мы признаем, что мы его можем изменить. Это очень важное логическое следствие: пространство нам не просто дано, оно не наследуемое физическое окружение, которое мы просто должны воспри-

нять, и оно на нас оказывает влияние, без нашего обратного влияния на него. Если мы продуцируем пространство, которое негативно выражается, которое несправедливо и нас угнетает, мы его тоже можем изменять. Политические следствия, вытекающие отсюда, были А. Лефевром предусмотрены.

Следующая мысль А. Лефевра, которая в настоящий момент широко дискутируется, касается так называемой «триалектики пространственности» [14. S. 330–340]. Термин, используемый не всеми, но Э. Зойя использовал его, чтобы показать, что аспекты пространственно ориентированного мышления являются интер-реактивными, всегда являющимися и воспринимаемыми как трио, никогда в раздельности как пространственное, социальное и историческое. [13. P. 78]. Это касается общественно приземленной геоистории.

Возвращаясь к А. Лефевру и М. Фуко, можно говорить о социально-пространственной диалектике, основная мысль которой в том, что общественные процессы образуют также пространственные формы, как пространство предопределяет общественные процессы. Таким образом, можно относительно легко утверждать, что общественные процессы чеканят, окрашивают пространственные формы. Мы находим у Э. Гидденса пространственно-временное структурирование общественных отношений [18].

Социально-пространственная диалектика основывается на понимании и восприятии урбанизированной пространственной причинности, однако она не должна смешиваться с детерминизмом окружающего мира, так как ее фокус — общественно-созданное пространство. Общественно-созданное пространство, идет ли речь о городском сообществе или региональном контексте, интернациональном или глобальном, — это такое пространство которое общественно создано при условиях многочисленных неодинаковостей, противоречий. И такие неодинаковости и противоречия будут и на глобальном и на локальном уровне. «Пространственный поворот» делает возможным политизировать пространства в ином стиле и образе. Примерами политизирования могут быть следующие концепты:

1. **Пространственный капитал, ресурс.** И в этом свете исследования урбанизированной пространственной причинности имеют совсем новое, действительно междисциплинарное поле для всех гуманитарных наук, которые признают наличие стимулов или ресурсов, которые исходят от городской, урбанизированной агломерации. И это не только для культурной географии, но и для географически ориентированной экономики. В экономической силе городских экономик, которые опираются и порождаются плотностью урбанизированных жизненных отношений, был еще убежден в конце XIX в. неоклассический экономист Альфред Маршалл. «Воздух города делает свободным. Он же и приносит прибыли». Маршалл исходил от смешения локальных и городских экономик [19. S. 17]. Сегодня учение о народном хозяйстве

возвращается медленно к тому, чтобы эту креативную, инновационную силу городских агломераций (мест) оценивать как главную движущую силу экономического развития, конечно же, не как одну единственную силу, но как одну из первых. Роберт Лукас, один из первых исследователей экономической теории, сегодня пришел к мнению, что исследования Я. Якобс еще в 1969 г. должны были иметь широчайшее признание, она заслуживает за свою работу также Нобелевской премии. Экономисты называют главный посыл Я. Якобс о рентабельности экономикой её имени [20]. Эти новые направления пространственного поворота делают удивительные шаги, однако нуждаются в дальнейших разработках в области гуманитарных наук, социальной философии.

2. Влияние пространства на политическую и социальную практику. Например, профсоюз водителей маршрутного транспорта в городском сообществе борется против отмены дотационных дешевых маршрутов для населения из пригорода. «Пространственный поворот» в понятийном отношении здесь становится частью политической практики, показывает политическое пространственное сознание, которое выливается в политически значимые или социально значимые акции.

Выводы

Исследование социального мира, взаимоотношений человека и общества, места социальных действий, местных сообществ, требует иной точки зрения на социальный мир, которая становится возможной в связи с обновленным введением в социально-философский дискурс понятий простран-

ства, поля, пространственного воображения, топологии и дает возможность рассматривать пространственное, социальное и историческое как одинаковые равноценные перспективы.

Исследовательские представления о пространстве И. Канта, Ф. Ратцеля, Х.Д. Макиндера, В. Беньямина, ученых Чикагской школы, Д. Харви и Я. Якобс выявили пространственную причинность, казуальность, возможность влияния на индивидуальное и общественное поведение. Абсолютно новое понимание пространства разработали Г. Лефевр и М. Фуко, как общественно- или социально-производимого пространства. Э. Зойя показал, что аспекты пространственно-ориентированного мышления являются интерреактивными, всегда возникают и воспринимаются как трио, никогда в раздельности как пространственное, социальное или пространственно- историческое. Э. Гидденс провел пространственно-временное структурирование общественных отношений. Благодаря «пространственному повороту» становится возможным политизирование пространства в концептах пространственного капитала, ресурса и пространственной социальности.

Дальнейшие наши исследования будут связаны также с «пространственным» или «топологическим поворотом» и пространственным, полевым пониманием жизни, с топологией (учением о поле или месте). Изменения, происходящие в современных сообществах, могут быть достаточно полно представлены топологическими характеристиками и наша задача показать, что их топологический анализ располагает широким проблемно-постановочным и методическим спектром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирьянова Л.Г., Мазурина О.А. Теории глобализации в контексте постклассической парадигмы // Известия Томского политехнического университета // 2007 – Т. 311. – № 7. – С. 115–120.
2. Foucault M. Fragen an Michel Foucault zur Geographie // Schriften in vier Bänden. Dits et Eskrits. Bd. III. – Frankfurt am Main: Hrsg. von D. Denfert, F. Ewald, J. Lagrange, 2003. – S. 38–54.
3. Маркс К. К критике политической экономии. Изд. 2. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 13. – 176 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 2. – М.: Госполитиздат, 1956. – 365 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX – начала XX вв. / под ред. Б.А. Чагина. – М.: Наука, 1996. – 425 с.
6. Soja E.W. Vom «Zeitgeist» zum «Raumgeist» // Spatial Turn. Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften. – Bielefeld: Hrsg. J. Döring, T. Thielmann, 2008. – S. 241–262.
7. Кант И. Сочинения в 6 т. Физическая география. Т. 5. – М.: Мысль, 1966. – 418 с.
8. Simmel G. Der Raum und die räumliche Ordnung der Gesellschaft // G. Simmel: Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Gesellschaft. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1908. – S. 614–708.
9. Benjamin W. Das Passagen Werk // Gesammelte Schriften. Bd. V. Teil 1 und 2. – Frankfurt am Main: Hrsg. von R. Tiedemann und H. Schwepenhäuser, 1983. – 1350 S.
10. Дэвид Х. Городской опыт. D. Harvey. The Urban Experience / Пер. В.В. Вагина. – Oxford: Blackwell, 1989. 2012. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=105> (дата обращения: 06.05.2012).
11. Jacobs J. The Economy of cities. – New York: Random House, 1969. – 445 p.
12. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. – New York: Random House, 1961. – 378 p.
13. Soja E.W. Thirdspace // Journeys to Los Angeles and Other Real-and-imagined Places. – Cambridge-Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – P. 74–78.
14. Lefebvre H. Die Produktion des Raums // Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. – Frankfurt am Main: Hrsg. J. Dünne, S. Günzel, 2006. – S. 330–340.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
16. Harvey D. Social Justice and the City. – London: Arnold, 1973. – 247 p.
17. Foucault M. Andere Räume // Aisthesis – Wahrnehmung heute oder Perspektiven einer anderen Ästhetik. – Leipzig: Hrsg. A. Franz, W. Seitter, 1991. – S. 34–46.
18. Giddens A. Die Konstitution der Gesellschaft // Grundzüge einer Theorie der Strukturierung. – Frankfurt am Main, 1988. – P. 25–90.
19. Marshall A. Handbuch der Volkswirtschaftslehre. – Stuttgart, 1905. – 580 S.
20. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. – 1988. – V. 22. – P. 3–42.

Поступила 28.05.2012 г.